

Один из многочисленных эскизов
высотного дома на Кудринской пл. в Москве, 1948 г.

Высотный дом на Кудринской пл. в Москве.
Совместно с М. Посохиним.
Современный вид.
Фото Н. Душкиной, 2009 г.

Наталья Душкина

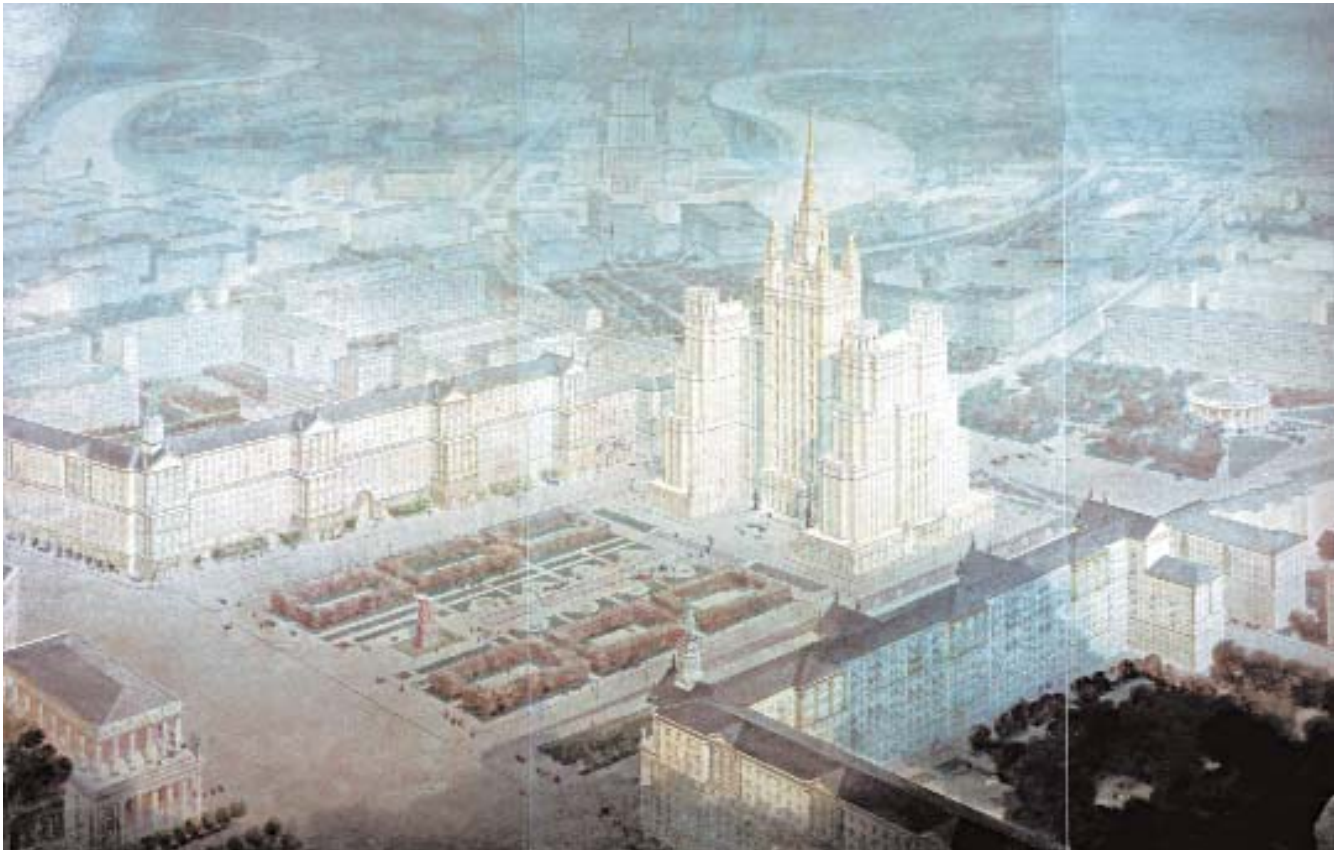
Ашот Мндоянц – начальный период жизни и творчества

В традиционном тексте к юбилейной дате, тем более к 100-летию, неизбежна краткая оценка вклада и главных вех жизни как самого героя, в какой бы области он ни стал знаменит, так и периода времени, в котором была прожита его жизнь. В случае с А.А.Мндоянцем – это короткие 56 лет, из которых семь пришлись на благополучные детские годы до переломного 1917. Что же касается архитектуры, в которой проявилось его дарование, то здесь в XX веке драматических изменений оказалось не меньше, чем в самой жизни. Другим стало представление о форме, пространстве и тектонике в архитектуре, появились новые типы зданий и среда обитания с бескрайним массовым строительством и стандартизацией, новая эстетика и стиль. В XX веке через эти процессы прошли поколения архитекторов всего мира.

В нашей же стране, с ее почти что беспрецедентными идеологическими ломками в архитектуре 1930-1950-х годов, все происходило намного острее и болезненнее. Ее эволюционное развитие было, как минимум, дважды

насильственно приостановлено сверху, в очередной раз продемонстрировав относительность «свободы творчества» в архитектуре. Не был исключением и творческий путь А.А.Мндоянца, пережившего запрет и на авангард, и на сталинскую неоклассику, а затем возврат к модернизму на совсем другом уровне – «хрущевского» образца. Но есть и еще одно обстоятельство, влияющее на оценку творчества этого архитектора. С 1935 г. его деятельность, да и сама жизнь были теснейшим образом связаны с одной из крупномасштабных фигур на поле советской архитектуры 1960-1980-х годов – с М.В. Посохиним. Обладатель всех высших постов в этой области – от главного архитектора Москвы до министра (Председателя Комитета по строительству и архитектуре), он был неразлучен со своим другом Мндоянцем и «первым» соавтором до ранней его смерти в 1966 г. Вместе построил знаковые сооружения в Москве – массивное, послевоенное Министерство обороны на Знаменке (1946),

один из лучших сталинских «небоскребов» на пл. Восстания (1949), большое число жилых домов – от монументальной неоклассики на ул. Чайковского (1951) до первых легких каркасно-панельных зданий на Хорошевском шоссе и Песчаных улицах (1954-55); наконец, осуществив во всех смыслах дерзкую пробивочную магистраль гигантского модернистского проспекта (1962) через старый Арбат – от СЭВа (1963) до самого ядра Кремля, посадив в него новый колосс Дворца Съездов (1959); наконец, построил курорт в Пицунде (1962), выставочный павильон в Монреале (1965) и другие объекты, – этот творческий дуэт, увенчанный Сталинской и Ленинской премиями, поставил перед исследователями непростую задачу расшифровки процесса их авторского взаимодействия. От общего расклада сил и распределения «обязанностей» (с момента зарождения идеи, первых эскизов и вариантов, выбора окончательного решения, разработки проекта и его полной реализации) зависит не только оцен-

Проект реконструкции Кудринской пл. в Москве.
Перспектива.
Совместно с М.В.Посохиным, 1949 г.
ГНИМА им.Щусева.

**Из интервью
с Сергеем Ашотовичем Мндоянцем
Записала Наталия Душкина
Москва, май 2005 г.**

Я пытаюсь сформулировать для себя главное воспоминание, или вернее, «ощущение» отца, ведь он умер, когда мне было всего пять лет. Это ощущение удивительного тепла, исходящего от многих людей, которые о нем помнят и с которыми мне приходится встречаться.

Вообще удивительная вещь – человека с нами нет уже несколько десятилетий, но продолжают случаться встречи с совершенно посторонними людьми, которые когда-то с ним пересекались в начале 1960-х годов или даже раньше, и эти люди вспоминают о нем с удивительной теплотой. Я прожил жизнь в неиссякающей ауре этой теплоты.

Политическими проектами непосредственно занимались руководители страны. Строительство Дворца Съездов шло под контролем самого Хрущева. Кстати, так же как и в сталинскую эпоху, когда, например, за каждым из высотных зданий был закреплен свой член По-

Вестибюль жилой части
в высотном доме
на Кудринской пл.
Совместно с М.В.Посохиным.
Фото середины 1950-х гг.

Дореволюционный Батум.
Мариинский проспект. 1910-е гг.

ка качества созданных сооружений, но и организации процесса проектирования в целом. Таким, каким он был в советском тоталитарном обществе второй половины XX века, сформированным на гигантских архитектурных фабриках проектных институтов, постепенно превративший архитекторов в анонимную, почти что безликую массу «творческих коллективов», подчинявшихся руководству выявленных лидеров. Среди них – М.В.Посохину и А.А.Мндоянца.

О Посохине написано много, изданы монографии, каталоги выставок, да и сам он оставил после себя несколько книг об архитектуре того времени, воспоминания. Однако вся эпоха и ее архитектурное обрамление сегодня требуют совершенно нового анализа, взысканной критики и оценки, в том числе, на фоне реалий современного строительного бума, буквально потрясающего Москву. В какой-то степени этот пробел восполняется подготовкой к изданию отдельной монографии, посвященной 100-летию А.А.Мндоянца. Об этом крупном мастере, находившемся несколько в тени своего соавтора с его огромными административными полномочиями, специального детального исследования никогда не предпринималось. В новую книгу войдут ранее неизвестные архивные документы, в том числе, начального периода жизни и творчества, важного для характеристики индивидуальности, типа личности и стартовых возможностей в архитектуре. Они-то и послужили материалом для данной статьи, охватывающей 1920-1930-е годы и посвященной «раннему» Мндоянцу, еще до его встречи с Посохиным.

Ашот Мндоянц родился в Батуме 10 января 1910 г. (28 декабря 1909 г. по старому стилю) в семье гласного Батумской Городской думы, купца первой гильдии Ашота Осиповича Мндоянца – владельца нескольких торговых компаний, парходства, кустарных производств и собственных домов, и его супруги Софьи Карповны, урожденной Багдасарянц. Обе родительские ветви происходили из небольшого, но широко известного в военно-политической истории Закавказья старинного города Ахалцыха, расположенного у окраины Аджарских гор.

В начале века субтропический Батум, лежащий в одной из лучших бухт на анатолийском берегу, напоминал, по словам Мандельштама, Шанхай или Сан-Франциско. Он бурлил торговлей, был наводнен коммерсантами, иностранцами и контрабандистами всех мастей, в революционные годы переходил из рук в руки враждующих сторон – России, Турции, Великобритании, Франции – и обладал невероятной притягательной силой последнего приграничного форпоста страны. Если и была точка на краю бывшей Российской империи, захваченной революцией, через которую в 1921 г. уходили последние корабли с беженцами в Константинополь, то это был легендарный Батум (не избежали исхода на собственном пароходе и Мндоянцы, однако вскоре вернулись обратно).

В превратившемся из небольшого поселения в «вольный город», наполненный нефтяными заводами Ротшильда и каспийской нефтью – третий после Одессы и Новороссийска порт Черного моря, в Батуме как в тигле переплав-

Рекламная афиша
фирмы А. О. Мндоянца.

лялись разноязыкая речь, восточные традиции и европейская культура. Набережные и турецкие кварталы старого города были наполнены ароматом кофе, южных фруктов и колониальных товаров. Новый регулярный центр, расчерченный прямыми улицами с провинциально пышными «европейскими» зданиями, выходил к маслянистой глади моря, обрамленной полосой приморского бульвара. Знаменитые чайные плантации Чаквы, мандариновые и бамбуковые заросли, Красновский ботанический сад и Зеленый мыс, где в тропической зелени раскинулись «виллы» столичных дачников, мечтавших превратить Батум в «черноморскую Ниццу»; наконец, проливные дожди и теплая, набрякающая влажность воздуха – вот те чудесные приметы места, о которых оставили свои воспоминания Флоренский, Паустовский, Мандельштам, Бабель и еще целая череда писателей и поэтов первого ряда. В этой приморской среде и провел свое детство и юность наш герой – будущий архитектор. Его кавказские корни, принадлежность к «культурному» городу, каким был Батум, и к его культурным кодам, несомненно, сыграли большую роль в его дальнейшей судьбе.

Дом Мндоянцев всегда наполнял артистическая атмосфера. В нем царил тяга к искусству, братья и сестры получили музыкальное образование, пели. По воспоминаниям родственников, глава дома держал ложу в Батумском театре, поддерживал его деньгами для приглашения заезжих знаменитостей. Дружили с семьей Ахиллеса Димитриади (также гласного Батумской думы), отца ставшего впоследствии знаменитым дирижером Одиссея Димитриади, с которым поддерживали отношения на протяже-

Особняк Мндоянцев в Батуме.
С 1930 и поныне –
Батумский историко-краеведческий музей.
Фото конца 1920-х гг.

Родители
Ашот Осипович и Софья Карповна Мндоянцы.
Батум, начало 1900-х гг.

Ашот Мндоянц.
Батум, на берегу Черного моря. 1917 г.

нии всей жизни. Сестра Ашота – Душка – была профессиональной певицей; брат Арташес учился в петербургской консерватории у пианиста и педагога Л.В. Николаева (учителя Софроницкого, Юдиной, Шостаковича). К сожалению, оба не смогли продолжить профессиональную карьеру, но дома постоянно устраивались концерты и домашние инсценировки. Сам Ашот Ашотович был очень музыкален, обладал прекрасным слухом и баритоном приятного тембра. По существу, архитектура и музыка, два родственных вида искусства, всегда шли рука об руку в его жизни, определяли уже в профессии присущий ему романтизм, чувственность, эмоциональность.

Благополучие в этой многодетной, любящей семье (Ашот был самым младшим из восьми детей) рухнуло вскоре после революции. Почти вся собственность Мндоянцев была конфискована. В 1922 г. в одном из принадлежавших им особняков было открыто казначейство Аджарии, а в 1930 г. – историко-краеведческий музей, действующий и поныне. Старшие братья Иосиф и Аршак успели в начале 20-х окончить экономический факультет Сорбонны, объездить Европу и вернуться на Кавказ, а французский язык, наравне с русским, вошел в обыденную жизнь, для некоторых же членов этого разветвленного клана – стал профессией. Дальнейшая судьба семьи в Батуме, обреченной на путь «лишенцев» без избирательных и гражданских прав, завершилась широко известным образом – репрессией отца и его расстрелом в 1938 г. (реабилитирован в 1957). Об этом в семье не говорили десятилетиями. Даже будучи уже широко известным архитектором, во многих анкетах Ашот Мндоянц записывал отца

литбюро, который курировал этот объект. За высотное здание на площади Восстания отвечал Анастас Иванович Микоян, Берия курировал строительство Московского университета, и т. д.

Судьба Калининского проспекта это не столько эстетическая проблема, но совпадение исторического и художественного. Убежден, в силу того, что Кремль является политическим центром государства – правительственная трасса к нему была бы прорублена обязательно. Если бы это случилось в сталинское время, мы получили бы аналог Кутузовского Проспекта и улицы Горького. Если бы проект реализовался в брежневскую или же нынешнюю эпоху, то получилось нечто иное, не уверен, что лучшее. Во времена хрущевские это была архитектура, им идентичная.

То, что сейчас переживает Новый Арбат, с какими-то модификациями напоминает мне период палаточной московской торговли, когда Ельцин расставил палатки на каждом углу и сказал, что это и есть «рынок», это и есть «рыночная экономика». Поэтому я отношусь к этому тоже исторически, другого критерия тут нельзя применить. Мне это не нравится.

Это были очень разные люди, но которые искренне и тепло относились друг к другу. Я думаю, каждый из них знал, что может делать то, чего не может делать его партнер. Поэтому и появился этот тандем. Насколько я понимаю, отец никогда не был, выражаясь современным языком, «тусовщиком». Выходы в органы власти или хождение по коридорам Совета Министров, ЦК или горкомов партии вселяли ужас, который он перебороть в себе не мог.

Михаил Васильевич умел входить в высшие инстанции и, будучи в целом человеком государственного мышления, я думаю, – любил это делать. Он был сторонником широких замыслов и добивался их выполнения.

Студенты и преподаватели Одесского Института инженеров гражданского и коммунального строительства (ныне Одесской государственной академии строительства и архитектуры). Начало 1930-х. Во втором ряду: А.Мндоянц – третий справа, четвертый слева – проф. М.Замечек.

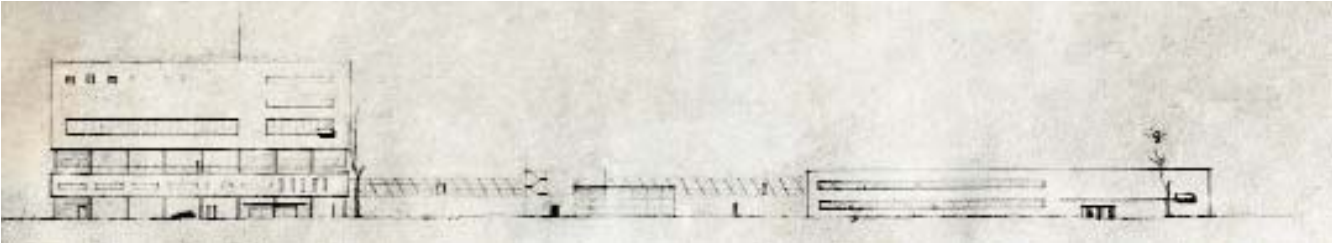
умершим в должности «зав. складом» и отказывался от знания иностранных языков (кроме армянского и украинского). До конца жизни он оставался беспартийным (сделав личный выбор и, по-видимому, испытывая чувство страха на протяжении десятилетий). Эта страница биографии сына «врага народа» наложила сильный отпечаток не только на его личную, но и профессиональную жизнь. Полностью, до изнеможения отдаваясь работе, о чем свидетельствует все окружение Мндоянца, он всегда предпочитал быть несколько в стороне, обозначив так и стратегию собственного выживания, и природную скромность. На групповых фотографиях 1920-1930-х годов Ашот, обожаемый сын своей матери, которая называла его по-армянски «воски парч» – «золотой ковш» – резко выделялся своим романтической жизнью, если не сказать художническим видом. Невысокого роста, изящно сложенный, с высоко поднятой или наоборот чуть склоненной красивой головой, увенчанной волнистой короной волос. Лицо с благородными чертами, всегда в белом обрамлении распахнутого воротника апаш, а позднее поднятое галстуком. Взгляд больших, глубоких глаз прямо устремлен в объектив фотоаппарата, как бы фиксируя твердость характера, собранность, внутреннюю дисциплину, ожидание необычности своего будущего жизненного и творческого пути. До 1935 г., когда еще был жив отец, в его биографии длился «черноморский период», начавшийся с родного Батума, где он был крещен в Армяно-григорианской церкви св. Спасителя, а в 1927 г. закончил русский класс «второго центра Батумской трудовой школы второй ступени (девятилетки) со счетоводным уклоном», получив право на поступление в вуз. Затем отп-

равился не в Тифлис, где, казалось бы, было средоточие художественной жизни Грузии, а в блестящий европейский город Одессу – опять к морю и под крыло старшей сестры Елены, работавшей на заводе, и своего дяди-профессора. Однако учиться ему было отказано как «лишенцу». Только с ходатайством-«разнарядкой» от ЦИКА Аджаристана (отца в городе читли даже в советское время) в 1928 г. он поступил на Архитектурный факультет (видимо, сказался и «счетоводный уклон») Института изобразительных искусств, и прямо угодил в полосу сплываний нескольких отраслевых вузов в Одесский Институт инженеров гражданского и коммунального строительства, который и закончил в 1932 г. (ныне Одесская государственная академия строительства и архитектуры). Важно, что здесь продолжали работать крупнейшие архитекторы и педагоги – среди них профессора О.Д.Зейлигер, М.В.Замечек, М.Ф.Покорный (все воспитанники Петербургской Академии художеств), а также Ф.А.Троупянский, руководивший кафедрой архитектурного проектирования. Рисунок в то время преподавали выдающийся мастер Т.Б.Фраерман, получивший образование в Мюнхене и Париже, друг Матисса, а также его ученик, известный график, офортист А.Б.Постель. За пять лет, проведенных в Одессе, – в этом городе искусств, музее архитектурных стилей и великолепных классических ансамблей, зданий и лестниц, каскадом спускающихся к морским гаваням, – Мндоянцу, прежде всего, удалось понять, что такое «архитектура» вообще. От Моисея Викторовича Замечека (1882-1958) – своего непосредственного наставника, мастера старой классической школы, много построившего на юге России, с которым долгое время

Ашот Мндоянц (в центре) на студенческой карикатуре «Как мы проектировали». Начало 1930-х гг.

поддерживал дружеские отношения и оставался в переписке, он приобщился к настоящей профессиональной культуре, получил навыки самостоятельного мышления и творческой дисциплины. Немногие дошедшие до нас фотографии и единственный сохранившийся студенческий проект Мндоянца того времени (модернистский!) свидетельствуют, что наравне с классическим изучением памятников зодчества, разрабатывались проекты новой авангардной архитектуры, что студенты знали их мировых лидеров – Ле Корбюзье и Гропиуса, и что проводником знаний о современных архитектурных формах был именно Замечек, хотя аскетизм нового стиля ему был чужд. Любопытен и тот факт, что с приездом Мндоянца в Одессу совпало знаменательное событие – создание Зейлигером и Замечеком в 1927 г. знаменитого музея «Старая Одесса», работавшего на возрождение блистательного облика южной столицы, превращенной в революционные годы в полуразрушенный город. Под их руководством, и при непосредственном участии студентов, была проделана огромная работа по сбору уникальных архивных материалов, произведены обмеры памятников, выполнены проекты их реставрации. Это живое знание не могло не повлиять на будущую архитектурную деятельность Мндоянца и его сокурсников, притом в двух аспектах – при освоении классического наследия в 1930-1950-е годы, и эхом отозваться в конце 1940-1960-х, когда для реализации громких проектов под слом шли уникальные здания и целые кварталы старой застройки. Тяжелый психологический порог, который пришлось преодолеть архитектору-практику, в молодости познавшему ценность исторического наследия. В творческой биографии

Единственный сохранившийся студенческий проект клуба (?) А.Мндоянца. Фрагмент.
Руководитель проф. М.Замечек. Начало 1930-х гг.
Одесский Институт инженеров гражданского и коммунального строительства.

Мндоянца это касается и полной перестройки Александровского училища под здание Наркомата обороны, и застройки Кудринской площади, Арбата, Кремля.

На студенческих карикатурах миниатюрный Мндоянец, с шапкой волос, кофте и широких брюках-шароварах всегда в центре, как бы дирижируя своими друзьями или предводительствуя поездкой в Москву (с ним учились Е. Бершадский, М. Берштейн, С. Бурдо, И. Каневский, Я. Колпакчи, Б. Ланда и др.). На этих смешных картинках, он – очевидный творческий лидер, успевший, ещё будучи студентом, поработать и в Управлении по перепланировке Харькова, в то время самой крупной строительной площадке страны, и в Одесском Гипрограде, и вступить в Союз строителей. Любил дружеское общение, в том числе с молодыми преподавателями. В их числе – помощник Замечка архитектор С.Д. Левитан, женатый на пианистке Рике, дочери известного одесского зодчего Адольфа Минкуса, отца Михаила Минкуса, с которым архитектурная судьба в дальнейшем вела Мндоянца параллельно, включая строительство соседних высотных зданий в Москве – на Смоленской (Минкус, Гельфрейх) и пл. Восстания (Посохин, Мндоянец). Ему же пришлось позднее, после смерти Минкуса в 1963 г., организовывать выставку его творческих работ. После окончания института в 1932 г., что любопытно – без защиты диплома (это специально отмечалось в свидетельстве), Ашот Мндоянец вернулся в Батум. Звание «инженера-архитектора по планировке городов» он получил только в 1934 г. Но этот короткий период его творчества особенно интересен. Не только потому, что был практически неизвестен. В эти три года, выполнив ряд проектов для Аджаргосстроя

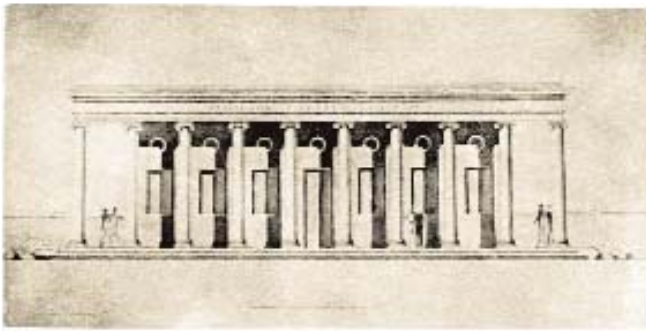
По роду моей деятельности мне приходилось встречаться со многими советскими, постсоветскими и зарубежными государственными деятелями, руководителями крупных корпораций. Даже на их фоне – Михаил Васильевич – одна из наиболее крупных личностей, с которыми мне довелось встречаться.

С другой стороны, в плане творчества и ежедневной работы архитектора, которая складывается из огромного количества деталей, чертежей, решения всевозможных нюансов в конструкциях, архитектуре фасадов и интерьеров, здесь в рамках распределения их обязанностей у отца, наверное, была большая степень погруженности в этот процесс. Это, конечно, стало особенно очевидно в начале 1960-х годов, когда они одновременно вели огромные объекты: Дворец Съездов, Калининский проспект, Пицунду. Ясно, что здесь без этой диверсификации работ просто невозможно было реализовать проекты.

Ильфа и Петрова однажды спросили, как вы пишете вдвоем? Они на это ответили: как братья Гонкуры – один бежит по редакциям, а другой сторожит рукописи, чтобы не украли. Вот, наверное, так и работали вместе Посохин и Мндоянец. Но они еще и дружили. Ведь это было не только общение на работе, но и дома. Причем, ежедневное семейное общение.

А.Мндоянец с супругой Вероникой Самсоновой.
Гагры, начало 1960-х гг.

Проект Корабельной конторы в Батуме.
Фасад. 1933 г.

Проект реконструкции жилого дома ЦИК'а в Батуме.
Фасад. 1935 г.

и даже обучая архитектуре в коммунальном техникуме, он работал один, иногда в паре со своим сокурсником М. Берштейном. На фоне последующих 30 лет, когда Мндоянц всегда был в связке, притом с сильной, неординарной личностью – с М.В.Посохиным, значение «батумского периода» в его послужном списке приобретает особую ценность.

В городе, стремительно развивавшемся в начале 30-х годов, он сначала спроектировал и построил небольшую, изящно-античную корабельную контору прямо у берега моря (1933, не сохранилась). При этом руководил и скульптурной мастерской, то есть сам предварительно расчертил, а потом вылепил в натуральную величину шаблоны ионических капителей и профилей, украшавших здание. Опыт этой постройки был использован архитектором Б.М.Киракосяном при строительстве знаменитой колоннады в батумском Приморском парке (1934). Во всяком случае, Мндоянц скорее всего участвовал и в ее создании, продолжая руководить той же бригадой лепщиков. На это указывают и его сыновья, вспоминая слова отца о его причастности к этой легкой, воздушно-прозрачной курортной безделнице. В дальнейшем это пластическое дарование Ашота Ашотовича проявилось в рисунках скульптурных композиций, выполненных для зданий Моссовета, военного министерства, высотного здания в Москве.

Затем сразу последовал ряд больших проектов – стадиона профсоюзов и большого поселка для рабочих батумских нефтеперегонных заводов «Азнефти». По сути дела, это был проект единого градостроительного комплекса, расположенного на северо-восточной окраине Батума у реки Королис-цхали – своеобразный «город в городе», с изысканным планировочным

рисунком и собственной инфраструктурой. Вот где начала сказываться его градостроительная специализация, в будущем ставшая невероятно востребованной при создании крупных ансамблей в Москве.

Глядя на чертежи этих двух проектов, нельзя не признать красоты композиционного построения, продуманной функциональности и тонкости графической работы. В проекте стадиона (1933), первоначально торцом обращенного к морю и напоминающего античную палестру – что и понятно, земли Колхиды! – главной темой стала колоннада, по периметру оперяющая арену. Низкое, как будто несколько прижатое к поверхности земли сооружение с пологими трибунами, сливается с ландшафтом, и только монотонная горизонталь колоннады, вторя плоскости морской глади, совсем как у спортивных арен в древних морских городах, задает тему контраста с зеленью пологих гор. Сходным по передаче духа античности и связи с природой в эти годы был знаменитый стадион А.С. Никольского на Крестовском острове в Ленинграде, хотя масштабы их несопоставимы.

Что касается рабочего поселка (1934), то в нем удивляет нехарактерный для исторического Батума композиционно-завершенный рисунок плана. Он основан на классической осевой схеме и симметрии, в сочетании с большим разнообразием прямоугольных и округлых форм, открытых и закрытых пространств, построенных на контрасте общественного «форума» и частных дворов различной конфигурации. Все это говорит об архитектурной культуре молодого архитектора, его творческой фантазии, а также об отказе от стереотипа жестких конструктивистских поселков поточного типа, несовместимых по мысли автора,

с роскошью окружающей зелени и горного ландшафта. К тому же в 1932 г. уже спустили сверху знаменательное постановление о «социалистическом реализме». Авангард был табуирован. Однако и поселок в исполнении Мндоянца, и другие его проекты середины 1930-х – батумского пляжа с дизайном тентов, шезлонгов и душевых кабин, фасадов столовой машиностроительного завода, осуществленные интерьеры магазинов «Аджарпищеторга» – свидетельствовали о поиске синтеза функционализма и классики (с включением элементов ар-деко) в рамках общей тенденции «отхода от конструктивизма». Как оказалось позднее – наиболее плодотворного направления в развитии архитектуры середины 1930-х годов в предложенных обстоятельствах. В этом смысле молодой Мндоянц в своих первых (иногда робких) проектах сработал в унисон со столичными мастерами. Этот краткий эпизод в небольшом провинциальном, но очаровательном родном городе оказался для него плодотворным. Не только по творческим результатам. Он успел также «познакомиться» проектным отделом; коротко, но побыть главным архитектором Батума, что дало административный опыт, важный в реальной архитектурной практике. Как удалось выяснить из переписки с М.В.Замечком, в эти же годы он побывал в Ереване и познакомился с выдающимися мастерами первой половины XX века: «В последнем письме Вашем мне чрезвычайно понравились слова: «...Эривань возвращает архитектуре утраченное чувство материала...». Как характерно, что в стране, бесконечно богатой естественными строительными материалами (граниты, разноцветные туфы, мрамор, легкие пемзы и пр. – это чувство материала возвращается. <...> Очень рад, что Таманяна

Проект поселка для рабочих Батумских нефтеперегонных заводов «Азнепти». Генеральный план. 1934 г.

видели, благодаря его за привет». И далее: «Ваши фото с работ Сарьяна произвели на меня странное впечатление: я тотчас же ясно представил себе оригиналы и был очарован – прекрасный художник» (1934). Отмеченное выше «чувство материала», тектоники, остро схваченные Мндоянцем во время поездки в Армению, в дальнейшем сыграет огромную роль во многих его постройках, и наиболее ярко – в высотном доме на Кудринской площади с его развитым гранитным цоколем, различными фактурами камня, призматическими колоннами холла, античными по духу маскаронами и скульптурными композициями. Да и приглашение в творческую группу скульптора Н.Б.Никогосяна не было случайным.

Тот же Замечек, обращаясь в письмах к своему любимому ученику – «Милый Мндоянц», – выдает его заветное, но столь ясное для большинства молодых архитекторов того времени, желание: «По Вашему письму видно, что Вы много работаете. Но не переутомляйтесь. Простите за советы. Ваше желание поработать в Москве – понятно, и правильно сделаете, поехав туда. Но сейчас, как Вам известно, там разброд архитектурной мысли, и поэтому хорошо, что поедете позже» (1932).

Судьбоносный переезд в Москву состоялся в 1935 г. Отец еще был цел и невредим, семья жила бедно, но по-прежнему все вместе, в Батуме. Толчком к переезду, скорее всего, послужило знакомство с маститым А.В.Щусевым, который в эти годы курсировал по Кавказу с целым рядом проектов: для Тбилиси (институт Маркса-Энгельса-Ленина, 1933-1934, ныне практически разрушенный), и на черноморском побережье – в Новом Афоне (курорт Псырцха, 1935), а также в Батуме. Здесь в 1934 г. Щусев начал проектировать гостиницу

А.Мндоянц с мастерами на постройке Корабельной конторы в Батуме. 1933 г.

У них было очень много общего. Во-первых, оба принадлежали, примерно, к одному социальному слою. Мой дед, отец Ашота Ашотович, был крупным предпринимателем, купцом первой гильдии, то есть вышел из буржуазной среды, которая несла в себе определенные ценности. Отец Михаила Васильевича Посохина также происходил из купеческого сословия Томска, был крупным книготорговцем в Сибири. Во-вторых, оба одинаково относились к советской власти – они ее боялись, но воспринимали как данность. Причем, если для отца это было более очевидно – он никогда не был ни комсомольцем, ни членом партии, ни каким-либо активистом. Михаил Васильевич относился к советской власти примерно так же: он всегда себя ощущал специалистом, нанятым на то, чтобы обслуживать государство, в котором он живет и работает.

Я должен сказать, если бы не было Посохина, то многие из совместных работ остались бы нереализованными. Точно также, в творческом плане, если бы не было отца, они не смогли бы выдержать конкуренцию, которую они объективно выиграли в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Их выбрали потому, что команда из этих двух архитекторов оказалась способной реализовывать проекты, которые «партия и правительство» поручало делать в тот период.

А. Мндоянц с сыном Сережей. 1965 г.

Кремлевский Дворец съездов в панораме московского Кремля со стороны Александровского сада.

Совместно с М.Посохиным, Е.Стамо, П.Штеллером и др.

Фото Н.Душкиной, 2009 г.

«Интурист», как раз в период деятельности Мндоянца главным архитектором города. Оценив творческие и деловые качества, а, возможно, откликнувшись на его просьбу, могло последовать прямое приглашение в Москву от самого мэтра. Скорее всего, были и рекомендательные письма – от М.В.Замечка и от А.И.Таманяна, который хорошо знал Щусева и дружил с ним. Во всяком случае, это было долгожданное назначение, состоявшееся при участии первых лиц в советской архитектуре того времени.

Далее события стали разворачиваться стремительно. В сентябре 1935 г. Ашот Мндоянц уже поступил в архитектурно-проектную Мастерскую №2 Моссовета, возглавляемую А.В.Щусевым, стал работать в качестве творческого помощника в группе Л.С.Теплицкого и сразу же приступил к авторскому проекту реконструкции жилого дома ЦИКа в Батуме. Через год, в 1936 г. в столице Аджарии был взорван русский военный собор Александра Невского (1888) – крупнейший храм города и абсолютная высотная доминанта всей береговой линии. На его месте к 1938 г. завершили строительство щусевской гостиницы «Интурист». В

1937 отец был арестован и в апреле 1938 расстрелян; семья стала переезжать в Москву. В этом же году Ашот Ашотович вступил в Союз архитекторов, получив характеристику от своего непосредственного начальника Теплицкого: «вдумчивый, серьезный и культурный работник, неплохой общественник». В его же группе началась разработка проекта-реконструкции Батумского театра (1937). Лучшего знатока города, его театральной истории и непосредственного помощника в осуществлении цели, чем Мндоянц, трудно было найти. Здесь же, в мастерской Щусева, состоялась и судьбоносная встреча с М.В.Посохиным. Он, в отличие от южанина Мндоянца, приехал с севера – из сибирского Томска, и с 1935 г. был принят в группу Д.Н.Чечулина. Проект здания театра в Комсомольске-на-Амуре на конкурсе им. академика И.А.Фомина стал их первым совместным и успешным проектом (вторая премия). По словам Нис Пекаревой, бесценного историографа их коллективной деятельности, знавшей обоих на протяжении многих лет, они были «люди одного возраста, но при этом совершенно разные по характеру». Их совместное творчество, длившееся на

протяжении 27 лет, вплоть до скоропостижной кончины Мндоянца в 1966 г., было спаяно, по ее же словам, «так органично, что имена их звучали как неразрывное целое». Все, кому приходилось работать с Мндоянцем в архитектуре, отмечали не просто его трудолюбие, отчетливо проявившееся в ранние, «черноморские» годы, но и своеобразное «неистовство в творчестве»: «Он трудился всегда и везде, испытывал жестокую нужду в творческой работе и, глядя на него, непонятно было, как он мог справиться с ней! Он заражал окружающих его людей жадной творчеством, и мы, его коллеги по работе, расходились часто из мастерской за полночь. <...> Ашот Ашотович никогда не останавливался на вполне приемлемом решении, почти законченном. Архитектурное решение должно быть совершенным, и никаким, кроме совершенного, – таков был его девиз, его жизненное кредо. Удивительно было видеть бесконечное множество эскизов, вариантов, в которых оттачивалось, шлифовалось то единственное верное, к чему он стремился. Такая самоотдача отражала его величайшую любовь к своему труду, к делу своей жизни – архитектуре».

Панорама Кремлевского ансамбля
со стороны Кутафы башни.
Начало 1930-х гг.

Проект Кремлевского Дворца съездов
с сохранением старой Оружейной палаты.
Эскиз. 1959 г.

Проектные предложения
по Кремлевскому Дворцу съездов.
Варианты фасадов с сохранением старой
Оружейной палаты и с ее разрушением.
Развертки вдоль Ивановской пл. 1959 г.

Проект интерьера фойе.
Перспектива.
Вариант. 1960 г.

